

ГАРШИН-ПОЭТ: ОПЫТ КОММЕНТИРОВАНИЯ

А. И. Нестер

*Белорусский государственный университет, ул.
К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь,
annanoy91@gmail.com*

Статья посвящена поэтическому наследию В. М. Гаршина, ранее не включенному в рассмотрение в литературной критике. На материале ряда стихотворений («На первой выставке картин Верещагина» (1874), «Пленница» (1876), «28 сентября 1883 года» (1883), «Свеча» (1887)) прослеживается эволюция идиостиля и творческой манеры автора, а также обнаруживаются параллели с его прозаическими художественными текстами. С применением метода лингвостилистического анализа через исследование особенностей средств выразительности языка отстаивается формальножанровая обусловленность содержательного и выразительного планов художественного текста.

Ключевые слова: лирика В. М. Гаршина; поэзия второй половины XIX века; лингвостилистический анализ; кросс-жанровый анализ; жанровый канон.

GARSHIN AS A POET: COMMENTING EXPERIENCE A. I. Nester

*Belarusian State University, st. K. Marksa,
31, 220030, Minsk, Belarus,
annanoy91@gmail.com*

The article is devoted to the poetic heritage of V. M. Garshin, previously not included in the consideration in literary criticism. On the material of a number of poems ("At the First Exhibition of Vereshchagin's Paintings" (1874), "Captive" (1876), "September 28, 1883" (1883), "Candle" (1887)) the evolution of the author's idiosyncrasy and creative manner is traced, and parallels with his prose fiction texts are found. Using the method of linguistic and stylistic analysis through the study of the peculiarities of the means of expressiveness of language, the formal-genre conditionality of the content and expressive plans of the artistic text is defended.

Key words: V. M. Garshin's lyrics; poetry of the second half of the XIX century; linguostylistic analysis; cross-genre analysis; genre canon.

В. М. Гаршин в историю русской литературы вошел в первую очередь как выдающийся прозаик. Его немногочисленное поэтическое наследие по сей день практически не изучено, что и стало одной из предпосылок возникновения научного интереса к нему. Рассмотрим стихотворения автора в лингвостилистическом аспекте: исследование выразительных средств языка позволит погрузиться в идейный мир творца, выделить и систематизировать

характерные тропы, фигуры и приемы, отличающие индивидуальный поэтический язык Гаршина. Анализ образных средств выразительности является ключевой составляющей лингвостилистического анализа в целом. Их подбор и концептуальная реализация в конкретном произведении – магистральный вектор исследования идиостиля автора. Через соотношение, противопоставление, построение логических связей в рядах тропов и стилистических фигур достигается качественно новый уровень перцепции.

Пробы пера будущего писателя пришлось на школьные годы, что освещено в краткой биографии: «Начиная с 4 класса я начал принимать участие (количественно, впрочем, весьма слабое) в гимназической литературе, которая одно время у нас пышно цвела. Одно из изданий “Вечерняя Газета” выходило еженедельно, аккуратно в течение целого года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью “Агасфер”) пользовались успехом. Тогда же под влиянием “Иллиады” я сочинил поэму (гекзаметром) в несколько сот стихов, в которой описывался наш гимназический быт, преимущественно драки» [1].

В дальнейшем попытки создавать лирические произведения продолжаются. Гаршин, помимо традиционной поэзии, прибегал также к жанровой форме стихотворения в прозе. Лирические прозаические миниатюры в позднейшей литературной критике получили некоторое внимание, в то время как остальные стихотворения автора практически всецело игнорируются либо же удостоиваются кратких суждений подобного формата: «В эти годы [*середина 70-х, обучение в университете – А. Н.*] он пишет стихи, заставляющие подозревать не только отсутствие литературных способностей, но и отсутствие литературного вкуса» [4].

Сфокусируемся на наиболее характерных, магистральных поэтических произведениях автора, рассматривая их в хронологическом порядке.

Стихотворение «На первой выставке картин Верещагина» датировано 1874 годом. Гаршину на тот момент чуть меньше 20, он только начинает пробовать свои силы в сочинительстве и еще полноценно не погружен в литературскую деятельность. Стихотворение навеяно впечатлениями от работ художника. Как известно, Гаршин на протяжении всей жизни интересовался живописью, был тонким ценителем изобразительного искусства, достаточно тесно общался с художниками-передвижниками. Незадолго до выставки был подписан указ о всеобщей воинской повинности. От Верещагина ожидали триумфальных полотен, а он изобразил изнанку войн и баталий, которая обычно не предается огласке. Гаршин остался от мероприятия в восторге, высоко оценив талант художника.

Уже в первом анализируемом произведении прослеживается очевидная антитеза, выраженная на всех языковых уровнях. Противопоставление, как мы убедимся в дальнейшем, является одной из наиболее важных черт идиостиля Гаршина.

Стихотворный текст, несмотря на астрофичность, условно делится на две части:

<...> И... лица недурны!...» Не то
Увидел я, смотря на эту степь, на эти лица: Я не
увидел в них эффектного эскиза
[2, с. 367].

Анжанбеман, вносящий коррективы в ритмическую организацию, акцентирует внимание реципиента на смене субъективной модальности в рамках произведения. Лирический герой, воплощающий авторское видение искусства, его предназначения и роли в общественной жизни, резко контрастирует с мнением «толпы». Эпитеты «нарядные мужчины, дамы, дети», «парадные комнаты», «мило и реально», «лица недурны», метафорическое сравнение «пустыни море как будто солнцем залито», зевгма «с очками на носу и с знанием во взоре», использование вставки на французском («Ах, милая, постой! Regarde, Lili, Comme c'est joli!») [2, с. 367–368] – все это передает атмосферу светской беззаботности, заикленности бомонда на внешнем, формальном в искусстве и даже псевдоинтеллектуальности. Совсем иное отношение прослеживается во второй части произведения: на первый план выходит сила воздействия картин и социально-историческая обусловленность их создания. Тема войны в философском, антропологическом, религиозном, этическом контекстах впоследствии будет активно развиваться и прорабатываться в прозе Гаршина. Метафоры «тьма лишений», «орда кольцом объяла», эпитеты «глухая степь», «гнилая вода», «свирепая орда», перифраз «тени отверженников родины своей» [2, с. 367–368] рисуют в воображении картины кровавых баталий. Ключевые образы – воины-сыновья и родина-мать, безжалостно посылающая их на верную смерть. Дети отчизны, тем не менее, готовы биться до последней капли крови, даже когда к ним смерть стоит лицом – позже, уже в прозе В. М. Гаршина, на смену клишированным ура-патриотическим оборотам придет яркая и оригинальная натуралистическая метафорика.

Стихотворение экспрессивно и эмоционально, что на уровне синтаксиса выражается большим количеством восклицательных предложений (10). При этом важно отметить различие в их коннотации. В первой части восклицание передает эмоцию восхищения («Какая техника!.. И... лица недурны!...» [2, с. 367–368]), во второй – сочетается с побудительной коммуникативной установкой или выражением осуждения, опасения («Ты предала их, мать!», «Нет пощады!», «Молись!» [2, с. 367–368]).

Обратим внимание и на три пары анафористичных дистихов: (Как это мило и реально, / Как нарисованы халаты натурально; Готовы пасть, пожертвовать собой, / Готовы биться до последней капли крови; / И, может

быть, они ей рады; / И, может быть, не стоит жить-страдать! [2, с. 367–368]). Они придают тексту определенную благозвучную напевность, проясняют семантические доминанты каждой из частей произведения, закрепляя и фиксируя первостепенно значимые мысли.

«На первой выставке картин Верещагина» тяготеет к поэтическим образцам золотого века: лирике А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова. Чувствуется некоторая скованность и неопытность автора, делающего, по сути, свои первые шаги в сочинительстве. Тема войны получит свое развитие не только в прозе, как мы уже упоминали ранее, но и в поэзии (произведение «Друзья, мы собрались перед разлукой...» (1876)).

Следующее стихотворение, на котором мы остановимся более подробно, названное «Пленница», датировано 3 марта 1876 года. Написанная прозой сказка Гаршина «*Attalea princeps*», практически аналогичная в сюжетном отношении, впервые появляется в первом номере «Русского богатства» 1880 года, спустя практически четыре года. Семантическая доминанта произведений – бинарное противопоставление героикоромантического образа пальмы и чуждого мира, прекрасной свободной родины и вынужденного заточения. Подчеркивается это и использованием одинаковых средств языковой выразительности («прекрасная пальма», «чуждая природа», «холодное солнце (небо)», «узорчатые стекла рам» [2, с. 370]). Безусловно, в сказке, благодаря большому объему, происшествие описано подробнее. Стихотворение, по сути, начинается с ее кульминации:

Прекрасная пальма высокой вершиной
В стеклянную крышу стучит;
Пробито стекло, изогнулось железо, И
путь на свободу открыт
[2, с. 370].

Борьба за свободу оказывается бессмысленной, так как за пределами оранжереи – «мир странных собратий» (так перифрастически названы сосны, березы и ели). Суровая русская природа не имеет ничего общего с прекрасной родиной пальмы, где «пирует природа», «теплые реки текут» и «пальмы на воле растут» [2, с. 370]. Этот градационный ряд, подкрепленный анафорой (повторяющееся в трех строках «где») подчеркивает тотальное несоответствие свободы мнимой, желанной, и действительной, достигнутой.

В произведении присутствует полисиндетон – более четверти стихотворных строк начинается соединительным союзом «и», благодаря чему стихотворение характеризуется плавной, величественной размеренностью, постепенностью.

Финал в «Пленнице» и в «*Attalea princeps*» тоже несколько разнится. В поэтическом варианте поведение пальмы преступно, из-за чего

«безжалостный нож» отделяет от нее «царский венец» [2, с. 370], товарищи пальмы трепещут от страха и горя, но при этом надежда на продолжение борьбы есть:

И снова заделали путь на свободу,
И стекла узорчатых рам
Стоят на дороге к холодному солнцу И
бледным чужим небесам
[2, с. 370].

Использование лексических средств, относящихся к высокому (книжному) стилю, на наш взгляд, обусловлено романтическим, а не ироническим пафосом произведения. Образ пальмы символичен, он олицетворяет собой сражение за собственную свободу. Для Гаршина, вероятнее всего, эта категория была актуальна скорее в онтологическом, нежели в политическом контексте.

Стихотворение «28 сентября 1883 года», иногда называемое по первой строке «Остановилась кровь поэта...», появилось немногим ранее «визитной карточки» Гаршина – программного рассказа «Красный цветок», впервые размещенного в десятом номере «Отечественных Записок» за 1883 год [3, с. 418–419]. Связь произведений может показаться неочевидной, на первый взгляд, однако посвящение почившему в августе того же года И.С. Тургеневу расставляет все на свои места. Писатели были достаточно близки, хоть лично встретиться им так и не удалось.

«28 сентября 1883 года» представляет собой панегирическую эпитафию с весьма каноничным для жанра набором лингвостилистических средств:

Остановилась кровь поэта Замолкли
вещие уста.
В могиле он, но отблеск света
Над ней сияет навсегда [2, с. 371].

Отметим также интертекстуальное включение – аллюзию на пушкинского «Пророка», аллегорически присоединяющую почившего к сонму великих классиков:

Но чистые твои глаголы Все
будут жечь сердца людей
[2, с. 371–372].

Противопоставление тленного материального мира земных благ и вечной славы настоящего искусства выражается, прежде всего, в двукратном употреблении союза «но», а также в глагольных рядах «остановилась» –

«замолкли» – «исчезнут» и «сияет» – «живет» – «будут жечь» – «заблестит» [2, с. 371–372]. Высокая лексика («замолкли», «венчанье», «венцы», «порфиры», «главу» [2, с. 371–372]) органично дополняется торжественно-трагическим пафосом. «Царство деспотов земных» меркнет на фоне «кроткого сиянья» поэта. Эта гипербола, свидетельствующая о глубочайшем уважении к искусному творцу слова, усиливается следующей за ней намеренной тавтологией «живет в словах его живых» [2, с. 371]). Смерть физическая, телесная не отождествляется, даже частично противопоставляется смерти духа, идеи. Эта семантическая антитеза является типичной чертой и для так называемых «стихотворений-памятников», восходящих еще к Горацию и многократно представленных в русской литературе (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. И. Цветаева, И. А. Бродский и др.).

Теме поэта и поэзии посвящены и некоторые другие стихотворения В.М. Гаршина. «Нет, не дана мне власть над вами...» (1876) воплощает достаточно традиционный мотив самоуничтожения и признания скудности собственных сил, неспособности обуздать и подчинить себе таинственную стихотворную стихию. В то же время произведение «Когда науки трудный путь пройдет», созданное в том же году, уже представляет собой более оптимистический взгляд автора на собственные способности. Вероятно, такое колоссальное различие обусловлено психической нестабильностью Гаршина, частой и резкой сменой его эмоциональных состояний.

Последнее стихотворение, к которому мы обратимся в рамках исследования, было создано в 1887 году, незадолго до самоубийства автора. «Свеча» отражает мучительное переживание, болезненное откровение депрессивного эпизода, приведшего к необратимым последствиям. Используемые тропы, связанные между собой в смысловом отношении, создают единую монолитную систему (эпитеты «зловонный и душный чад», «грустная укоризна», «скорбный миг»; метафоры «пламя жизни», «искра укоризны», «чад воспоминаний» [2, с. 372]). Большая часть образов – источники света (свеча, фитиль, пламя, искра); лексема, связанная с отсутствием света, появляется лишь единожды (во мраке). Семантической доминантой становится не тьма как таковая, а отсутствие света – утраченное счастье, потерянный смысл жизни, что подтверждает последний терцет:

И что обманут я мечтой своею,
Что я уже напрасно в мире тлею, Я
только в этот скорбный миг постиг
[2, с. 372].

Всего четыре кратких трехстишия вместили в себя невыразимую боль, метания воспаленного рассудка, самим собой загнанного в угол.

Стихотворение как бы предваряет депрессивный дискурс старших символистов, однако в нем нет поэтизации смерти, противопоставления земных страданий спокойствию забвения. Лирический герой «напрасно в мире тлеет» – метафора передает неискоренимое ощущение полной безнадежности, колоссальное нравственное страдание. Это произведение стало тревожным предвосхищением грядущего трагического финала жизни поэта.

В рамках «традиционной» поэзии Гаршин, убежденный и признанный прозаик, чувствовал себя не совсем уверенно и уместно, зачастую чрезмерно тяготея в стилистическом плане к классическим образцам литературы Золотого века, отчасти подражая А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву.

Исследование стихотворений В. М. Гаршина продемонстрировало разность художественного воплощения и преломления идиостиля автора в рамках нестандартных для его творческого наследия жанровых форм, взаимосвязь формального и содержательного компонентов, роль субъективной авторской модальности в художественном тексте.

Библиографические ссылки

1. *Гаршин В. М.* Автобиография В. М. Гаршина // В. М. Гаршин. Письма [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0360.shtml (дата обращения: 29.04.2024).
2. *Гаршин В. М.* Сочинения / [Вступ. статья и примеч. Г. А. Бялого]. М.: Гослитиздат, 1955.
3. *Гаршин В. М.* Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В. И. Порудоминский. М., 1984.
4. *Мелихов А. М.* «Самый чистый, самый искренний и самый симпатичный» // Новая Юность. 2014. № 5 (122) [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2014/5/samyj-chistyj-samyj-iskrennij-i-samyjsimpatichnyj.html (дата обращения: 28.04.2024).